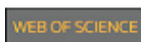

Самохин К. В. Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах : опыт модернизации / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 450—467. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467.

Samokhin, K. V. (2021). Seasonal Dynamics of Marriage and Fertility of Population of Tambov Province in 1915—1916: Experience of Modernization. *Nauchnyi dialog*, 9: 450-467. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467

**Сезонная динамика
брачности и рождаемости
населения Тамбовской
губернии в 1915—
1916 годах:
опыт модернизации**

Самохин Константин Владимирович
orcid.org/0000-0002-0120-7682
кандидат исторических наук, доцент
кафедра «История философия»
kon-sam@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

**Seasonal Dynamics
of Marriage and Fertility
of Population of Tambov
Province in 1915—1916:
Experience of Modernization**

Konstantin V. Samokhin
orcid.org/0000-0002-0120-7682
PhD in History, Associate Professor
Department of History of Philosophy
kon-sam@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

© Самохин К. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается помесечная брачность и рождаемость населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах. Методологической основой работы стала теория модернизации, которая автором в контексте истории России XIX — первой половины XX веков рассматривается в классической трактовке перехода от традиционного общества к современному. Новизна статьи заключается во введении данных о сезонной динамике брачности и рождаемости тамбовчан периода Первой мировой войны в научный оборот. Проводится компаративный анализ соответствующих числовых индикаторов у горожан и сельчан в 1915—1916 годах с показателями довоенного периода. Автор приходит к выводу, что сезонная динамика брачности и рождаемости может использоваться как количественное обоснование таких направлений духовной модернизации, как уровень секуляризации и склонность к инновациям. Проведенный анализ показывает, что общая модель демографического поведения тамбовчан в целом коррелирует с предыдущими периодами. Автор приходит к выводу, что выявленные различия между горожанами и сельчанами Тамбовской губернии в исследуемом плане свидетельствуют о большей склонности первых к инновациям и их более высоком уровне секуляризации, а это подтверждает положение о том, что тамбовский социум находился на начальном этапе духовной модернизации.

Ключевые слова:

брачность; рождаемость; сезонность; модернизация; Тамбовская губерния; Первая мировая война; уровень религиозности; склонность к инновациям; традиционность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The monthly marriage and birth rate of the population of the Tambov province in 1915—1916 is considered in the article. The methodological basis of the work was the theory of modernization, which is considered by the author in the context of the history of Russia in the 19th — first half of the 20th centuries in the classical interpretation of the transition from traditional society to modern. The novelty of the article lies in the introduction into the scientific circulation of data on the seasonal dynamics of marriage and fertility of the Tambovites during the First World War. A comparative analysis of the corresponding numerical indicators among the townspeople and villagers in 1915—1916 with the pre-war period is carried out. The author comes to the conclusion that the seasonal dynamics of marriage and fertility can be used as a quantitative substantiation of such directions of spiritual modernization as the level of secularization and the propensity to innovate. The analysis shows that the general model of the demographic behavior of Tambov residents is generally correlated with the previous periods. The author comes to the conclusion that the revealed differences between the townspeople and villagers of the Tambov province in the studied plan indicate a greater inclination of the former to innovations and their higher level of secularization, and this confirms the position that the Tambov society was only at the initial stage of spiritual modernization.

Key words:

marriage rate; fertility; seasonality; modernization; Tambov province; World War I; the level of religiosity; propensity for innovation; traditionality.

Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах: опыт модернизации

© Самохин К. В., 2021

1. Сезонность брачности и рождаемости: проблемы исследования в отечественной истории

Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Российской империи нечасто становилась объектом для исследования в отечественной исторической науке. Это объясняется тем, что указанные показатели нуждаются в специальном статистическом обосновании, а необходимые количественные данные нередко отсутствуют в архивных фондах. В качестве другой причины можно выделить наличие определенной направленности исторических исследований, которая обуславливалась идеологическими факторами, имевшими место в СССР. Еще одним немаловажным аспектом в данном случае является отсутствие долгое время соответствующей материальной-исследовательской базы как у отечественных дореволюционных, так и у советских историков и демографов, которая бы позволила не только вычислить, но и скоррелировать имеющиеся данные.

Кардинальные изменения произошли на рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда компьютерные технологии стали активно включаться в проведение широкого круга научных работ, в том числе и историко-демографических. Другим фактором, определившим развитие последних, было то, что препоны, обусловленные «железным занавесом», во многом были сняты и наметилось достаточно деятельное сотрудничество отечественных специалистов с зарубежными [Кончаков, 2001, с. 21—33].

Все это привело к буму микроисторических исследований, которые сосредоточивались на глубоком анализе и проработке единичных фактов и явлений. Однако последние не всегда собирались в целостное полотно, дающее возможность вскрыть наметившиеся тенденции не только на макро-, но и на мезоисторическом уровне. При этом исследователи, работавшие в русле микроисторических концепций, отмечали определенную опасность для экстраполяции полученных результатов не только на макро-, но и даже на мезоуровень [Аврех и др., 2002, с. 4]. Конечно, последний также не исключает возможности ошибки в результате исторических обобщений, выводящих на макроуровень, тем не менее он является более предпочтительным в данном отношении. С учетом сказанного выше можно за-

ключить, что представленная в работе проблематика является достаточно актуальной и имеет, на наш взгляд, определенный исследовательский потенциал.

Еще одной причиной необходимости проведения исследований сезонной динамики брачности и рождаемости являются проблемы определения уровня духовной модернизации населения Российской империи. Этот процесс, на наш взгляд, имеет следующие характеристики: замена традиционного способа мышления инновационным; переход от коллективизма, основанного на общинных отношениях и патриархальных устоях, к индивидуализму; транзит от монархических представлений к либеральным ценностям, а также секуляризация общественного сознания. Именно на возможности определения первой и последней из перечисленных как наиболее близких к теме нашего исследования мы и обратим особое внимание.

Если говорить об историографии помесячной динамики брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии, то на зависимость количества совершаемых браков и зачатий от ритма земледельческих работ, а также церковных правил обращали внимание еще в дореволюционный период. В частности, земский врач В. И. Никольский в своей диссертации отмечает минимальное количество браков на основе статистики по Тамбовскому уезду в 1871—1881 годах в августе (помимо марта и декабря, на которые приходились посты). Фиксируя максимум заключенных браков в октябре-ноябре и январе-феврале, он делает вывод, что осенний период преобладает над зимним, и объясняет этот факт тем, что «население осенью чувствует себя наиболее состоятельным» [Никольский, 1885, с. 110—111].

Минимум зачатий у тамбовских крестьян в указанный выше период, что было установлено на основе факта минимума рождений в декабре, В. И. Никольский отмечает в марте, интерпретируя данное соотношение плохим питанием и Великим постом. Максимумы рождений, по мнению земского врача, приходятся на три периода: 1) бытовой (июнь-июль с зачатиями в сентябре-октябре); 2) праздничный — зимний — (октябрь с зачатиями в январе); 3) космический (февраль с зачатиями в мае). Последний выделяется на основе поправок, сделанных в связи с тем, что записи в метрических книгах священники заканчивали делать не в последний день декабря, а раньше, потому часть рождений записывалась январем.

Также тамбовский врач выделяет 3 периода минимума рождений: декабрьский (с зачатиями в марте), апрельский (с зачатиями в июле) и сентябрьский (с зачатиями в декабре). При этом, проводя корреляцию между количеством браков и зачатий, В. И. Никольский усматривает определенную зависимость, но считает ее неосновной. Главной причиной таких колебаний, по его мнению, является земледельческий календарь: загроужен-

ность во время полевых работ или отдых от них, сытые месяцы после сбора урожая, обильность питания во время церковных праздников (Рождество) или его скудность после мясоеда, на которую накладываются ограничения Великого поста. При этом подъем рождаемости оценивается как менее значимый, поскольку организм крестьянина очень истощен [Никольский, 1885, с. 97—103]. Такой, по мнению дореволюционного тамбовского исследователя, выглядела модель сезонной брачности и рождаемости у сельского населения в Тамбовском уезде, которая фактически являлась одним из подтверждений приверженности тамбовских крестьян традиционному стилю ментальности, основывавшейся как на религиозности, так и на социальных нормах, складывавшихся у российского населения в течение многовекового периода его развития под воздействием социальной практики, связанной с циклом земледельческих работ.

Детальные исследования сезонной брачности и рождаемости начала прошлого столетия в масштабе Тамбовской губернии были продолжены лишь с 90-х годов XX века.

В. Л. Дьячков в качестве основного тезиса отстаивает следующее положение: «Крестьянин и в начале нашего столетия оставался по преимуществу биологическим, а не социальным существом, он жил прежде всего как часть биоценоза, а не ноосферы» [Дьячков, 2002, с. 18]. Исходя из этого утверждения, тамбовский историк с опорой на статистику родильных отделений фиксирует примерно равную во все времена года активность половой семейной жизни крестьян. При этом он отмечает ее небольшой рост в период свадеб и «мясоеда» и снижение в момент страды [Там же]. Также В. Л. Дьячков констатирует, что самая большая доля рождений приходится на июль — октябрь (30—50 %) [Там же].

Р. Б. Кончаков идет в своих исследованиях в общем русле концепции В. Л. Дьячкова. В частности, он говорит о зависимости сезонной рождаемости сельского населения от физиологических, хозяйственных и в меньшей степени религиозных факторов традиционного общества. Пик рождаемости фиксируется тамбовским историком во второй половине лета и осенью, а наибольший спад — в декабре. Рост числа рождений объясняется наиболее благоприятными условиями для питания матери, когда уже собран урожай и обеспечен запас продовольствия на несколько месяцев вперед [Кончаков, 2001, с. 99—100].

Декабрьский минимум рождаемости, по мнению Р. Б. Кончакова, имеет достаточно дискуссионную объяснительную модель. Зависимость данного факта только лишь от степени благочестия паствы ставится им под сомнение. Он выделяет целый комплекс причин подобной статистики: природно-хозяйственный ритм, приводивший к падению брачной и поло-

вой активности к исходу зимы (в связи с истощением пищевых запасов) и ее повышению в весенний период; состояние здоровья крестьянки, зависящее от условий природы и труда и обуславливавшее сезонное падение регистрации новорожденных в связи с большим количеством выкидышей, мертворожденных и слабых новорожденных; церковные правила, запрещавшие регистрацию браков во время Рождественского и Великого постов, а также заставлявшие осуществлять перенос части фактов рождений и крещений при метрических записях с декабря на январь; и, наконец, относительно высокая степень суеверности крестьян, детерминировавшая перенос регистрации новорожденных с конца предыдущего года на начало нового [Кончаков, 2001, с. 100—113].

Также Р. Б. Кончаков фиксирует снижение рождаемости в апреле-мае. Апрельский минимум объясняется не столько падением половой активности крестьянства в конце июня — июле, сколько тяжелым трудом женщин в страду, приводившим к многочисленным выкидышам на ранних сроках беременности. Уменьшение рождаемости в мае в качестве причин могло иметь снижение половой активности в момент уборки урожая (август), а также в определенные периоды — голодные месяцы для крестьянок в момент рождения в отдельные годы [Там же, с. 114].

В. Б. Безгин с опорой на статистику, представленную в диссертации В. И. Никольского, приходит к выводу о том, что тамбовские крестьяне на рубеже XIX—XX веков в половых отношениях придерживались правил церковной регламентации [Безгин, 2017, с. 18].

Данные научные исследования дают представление о традиционной модели демографического поведения крестьянства Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX веков. Они служат базой для сравнительной характеристики указанных показателей с периодом 1915—1916 годов, поскольку в этот момент Первая мировая война находилась в разгаре и оказывала влияние на демографическую ситуацию. Цель данной статьи — выяснить, насколько серьезно изменила Первая мировая война сезонную динамику брачности и рождаемости в Тамбовской губернии. Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, позволит сделать определенные выводы о степени духовной модернизации населения региона, в частности, о его уровне религиозности и готовности к инновациям.

2. Влияние Первой мировой войны на показатели брачности и рождаемости в Тамбовской губернии

Проведем сравнительный анализ общего уровня брачности и рождаемости в Тамбовской губернии в 1915 и 1916 годах с показателями довоенного времени (табл. 1). В Государственном архиве Тамбовской области из

наиболее близких к началу Первой мировой войны имеются необходимые нам сведения только за 1910 год.

Таблица 1

Статистика брачности и рождаемости в Тамбовской губернии
в 1910, 1915 и 1916 годах

Место	1910 год		1915 год		1916 год	
	Браки	Рождения	Браки	Рождения	Браки	Рождения
По уезду			8325	137076	10090	103485
По городу			886	9942	1013	9358
Итого	23817	160186	9211	147018	11103	112843

Источник: [Обзор, 1912, с. 18—21; ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—2 об, д. 12, л. 2—2 об.].

Опираясь на числовые данные, приведенные в таблице 1, необходимо констатировать сокращение количества заключенных браков на 61,33 % в 1915 году и на 53,38 % в 1916 году. Снижение данного показателя, безусловно, катастрофическое для тамбовского населения, было обусловлено призывом из сел и деревень Тамбовской губернии в действующую армию около 47,6 % мужчин трудоспособного возраста [Есиков, 1998, с. 43]. В целом намеченная тенденция соответствует сведениям, приведенным С. Д. Морозовым для 6 губерний Европейской России, Петрограда и Москвы. В частности, им отмечается падение числа заключенных браков по сравнению с 1913 годом на 46 % в 1915 году и на 44 % в 1916 году. При этом С. Д. Морозов фиксирует большую степень влияния реалий военного времени на брачность сельского населения по сравнению с городским. Такая особенность, по его мнению, связана с концентрацией военнотружеников, системой брони для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях в городах [Морозов, 2014, с. 13—14]. Учитывая тот факт, что в Тамбовской губернии в исследуемый период преобладало сельское население, легко объяснить более существенный спад брачности в тамбовском регионе в сравнении с числовыми индикаторами, обозначенными С. Д. Морозовым.

Снижение количества рождений детей у тамбовского населения оказалось не таким радикальным: в частности, в 1915 году оно составило 8,2 %, а в 1916 году — уже 29,6 %. Причины подобного явления очевидны: мобилизации, проводимые в военный период и приводившие к сокращению уровня брачности; трудности военного времени, связанные с отсутствием нормальных условий для рождения детей и т. д. Различия, обнаруживающиеся при проведении корреляции между сокращением количества заключенных браков и рождений, объясняются наличием семей

со стажем, которые продолжали играть важную роль в воспроизводстве населения.

3. Помесячные показатели брачности населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах

Перейдем непосредственно к анализу месячной брачности и рождаемости в 1915 и 1916 годах в Тамбовской губернии для того, чтобы оценить радикальность влияния Первой мировой войны на эти показатели. Общие числовые данные приведены в таблице 2 представленной статьи. Для наглядности мы будем опираться на графики, построенные на основе процентной доли соответствующих цифр по каждому месяцу в общих показателях по губернии (см. табл. 3). При этом мы будем сосредотачивать свое внимание на различиях между городским и сельским населением, поскольку это сможет дать более объективное представление о степени религиозности и склонности к инновациям тамбовчан.

Для начала сравним общую тенденцию месячной брачности в уездах Тамбовской губернии в 1915 и 1916 годах (рис. 1).

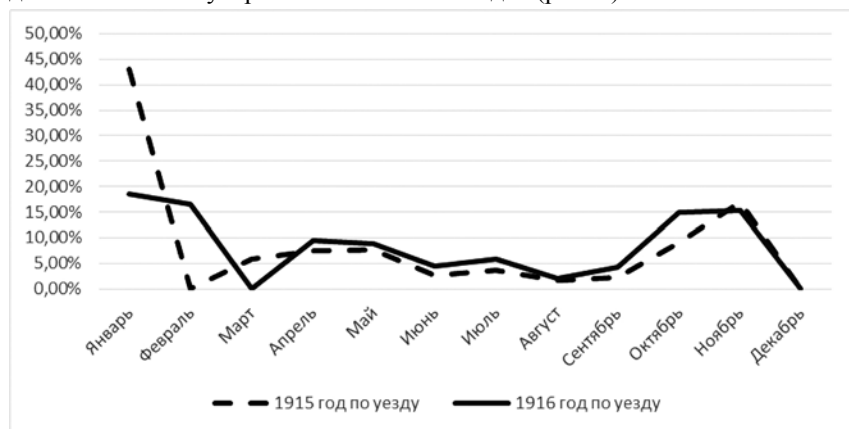

Рис. 1. Помесячная брачность в уездах в 1915 и 1916 годах

Обе кривые в целом имеют однообразные колебания. Существенные отличия отмечаются в январе — марте и октябре. В начальные месяцы года данная разница объясняется подвижностью Великого поста, который в 1915 году пришелся на период со 2 февраля по 21 марта, а в 1916 году — с 22 февраля по 9 апреля. Октябрьские же показатели могут быть объяснены, как мы предполагаем, следующим: возможно, в 1916 году в этом месяце в Тамбовскую губернию прибыло больше как беженцев, так и беглых

с фронта, тем более что такое явление регулярно отмечается начиная с октября 1915 года в отчетах темниковского исправника о состоянии дел во вверенном ему уезде [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9112, л. 13, д. 9658, л. 1, д. 9659, л. 8, д. 9662, л. 15—15 об., д. 9664, л. 3 об.].

Модель брачности в 1915—1916 годах мало чем отличалась от предыдущего времени. Пиковые значения приходятся на январь-февраль, а также ноябрь-декабрь. Минимум заключенных браков отмечается в феврале-марте (в зависимости от Великого поста), августе и декабре. Мы не видим оснований спорить с выводами предыдущих исследователей относительно причин выявленных нами колебаний: ритм сельскохозяйственных работ, обеспеченность крестьянского населения продуктами питания в соответствующие периоды, а также церковная регламентация.

Далее проанализируем помесечную брачность городского населения в Тамбовской губернии (рис. 2).

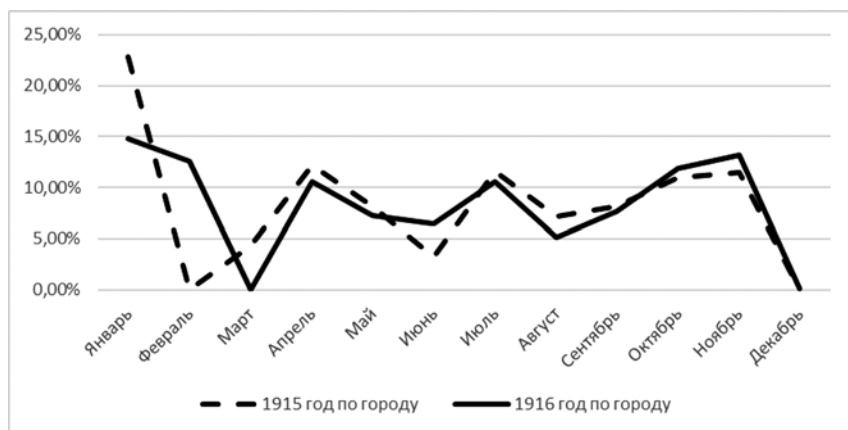

Рис. 2. Помесечные показатели брачности в городах в 1915 и 1916 годах

Общий рисунок для обеих кривых также свидетельствует об определенной корреляции. Как и у сельского населения, брачность горожан в 1915 и 1916 годах отличается существенно в январе — марте, что объясняется разницей в периоде Великого поста, в остальные месяцы (и даже в октябре) различия можно считать несущественными. Помесечные колебания в плане заключения браков среди горожан прослеживаются не столь явно, как среди крестьян. Те же пики отмечаются в январе-феврале и октябре-ноябре. Однако чуть менее «урожайными» в данном отношении будут апрель и июль. На городское население в этом случае практически не влиял ритм

сельскохозяйственных работ, потому в более явном виде прослеживается выполнение религиозных норм: апрель — период отложенных свадеб во время Великого поста, июль — время между Петровым и Успенскими постами. Минимум заключенных браков отмечен в феврале 1915 года и марте 1916 года (Великий пост); июне, августе и декабре — в оба года (соответственно, Апостольский, Успенский и Рождественские посты).

Сравнение уровня месячной брачности для горожан и сельчан в 1915 и 1916 годах представлено на рис. 3 и 4.

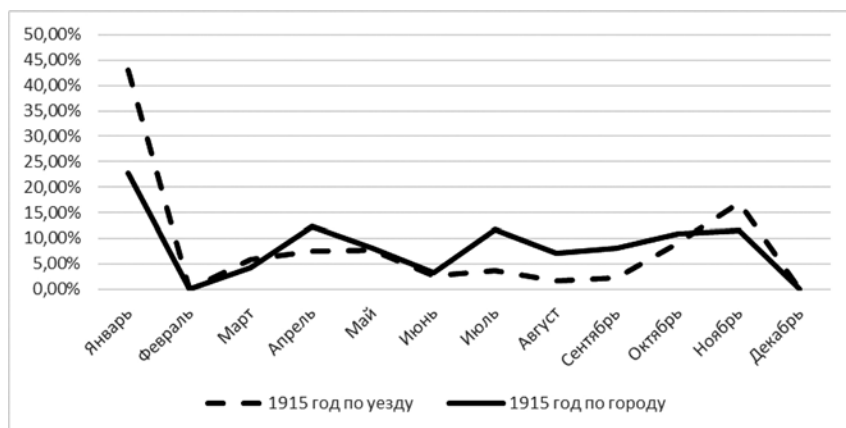

Рис. 3. Помесячная брачность в уездах и городах в 1915 году

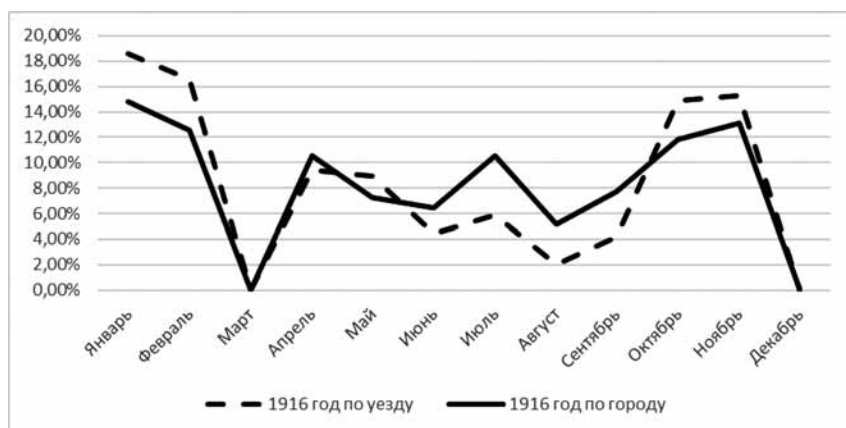

Рис. 4. Помесячная брачность в уездах и городах в 1916 году

Данные, представленные на графиках, в целом подтверждают высказанную нами мысль о том, что брачность городского населения в большей степени зависела от правил церковной регламентации. Здесь, на наш взгляд, следует говорить не столько об уровне религиозности, сколько о необходимости соблюдать церковные запреты: священники не решались брать на себя ответственность за венчание (или не хотели отражать факт венчания в метрических книгах) в запрещенные периоды, а другой формы заключения брака в дореволюционное время не было предусмотрено. Это не означает, что горожане Тамбовской губернии были в большей степени склонны соблюдать религиозные нормы, чем сельское население: в дополнение к церковным ограничениям на брачное поведение сельских жителей оказывал влияние цикл сельскохозяйственных работ.

4. Сезонная динамика рождаемости тамбовчан в 1915—1916 годах как фактор модернизации

В данной части исследования представим анализ сезонной динамики рождаемости, которая, на наш взгляд, более точно отражала степень секуляризации в ментальности российского социума в целом и тамбовчан, в частности.

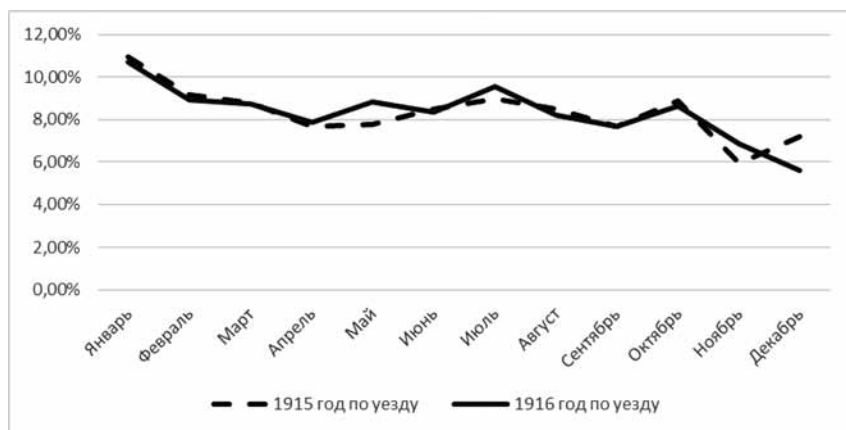

Рис. 5. Рождаемость в уездах в 1915, 1916 годах

Если сравнивать помесячное количество рождений в сельской местности в 1915 и 1916 годах (рис. 5), то, несмотря на существенное уменьшение абсолютных числовых данных, налицо почти полная синхронность кривых на рис. 5. Существенная разница отмечается в мае, ноябре и декабре.

Различия в цифровых индикаторах в конце года достаточно логично объясняются подвижностью Великого поста. Минимум рождений в 1915 году пришелся на ноябрь, что по зачатиям соответствует февралю, который полностью был охвачен церковными запретами на вкушение плотских радостей. Аналогично выглядит ситуация и в 1916 году, когда в декабре отмечено самое малое число рождений, коррелирующее по зачатиям с мартом, на который пришлось основное время Великого поста. Но как мы видим, это значение не нулевое, а чуть менее 6 %: конечно, в данном случае можно делать поправку на рождение недошенных детей, но определенный уровень секуляризации эта цифра отражает.

Что касается майской разницы, то речь в данном случае идет об 1 %, а это, на наш взгляд, не является существенным.

В целом по минимумам и максимумам сезонная рождаемость соответствует традиционной модели: пиковое число рождений фиксируется в январе-феврале, июле и октябре, самые малые значения отмечаются в ноябре-декабре, апреле и сентябре. Однако обе кривые в целом не дают каких-то серьезных расхождений по месяцам, за исключением ноябрьско-декабрьского минимума.

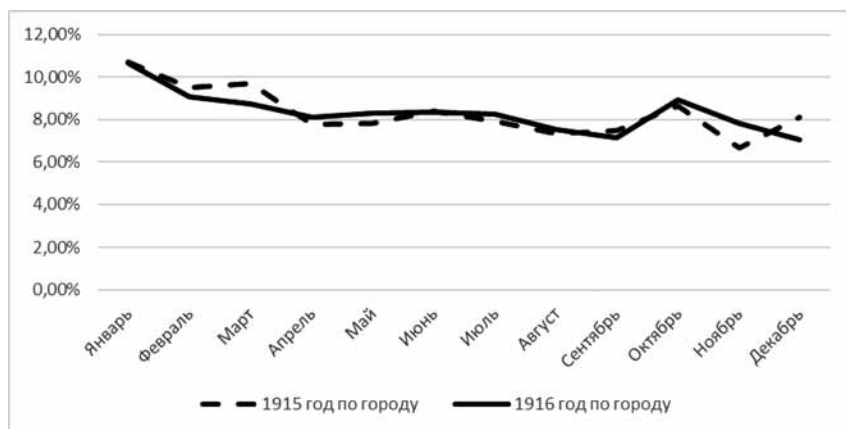

Рис. 6. Рождаемость в городах в 1915 и 1916 годах

Еще более ровной картина выглядит в отношении рождаемости в городах (рис. 6). Здесь также выделяются январско-февральский и октябрьский максимумы, а также сентябрьский и ноябрьско-декабрьский минимумы. Однако даже в конце года рождаемость в городах превышала 6 % от общего количества за год, что говорит о меньшей склонности горожан подчи-

няться правилам церковной регламентации, а следовательно, и о большей степени секуляризации их сознания. В наглядном виде этот вывод представлен на рис. 7 и 8.

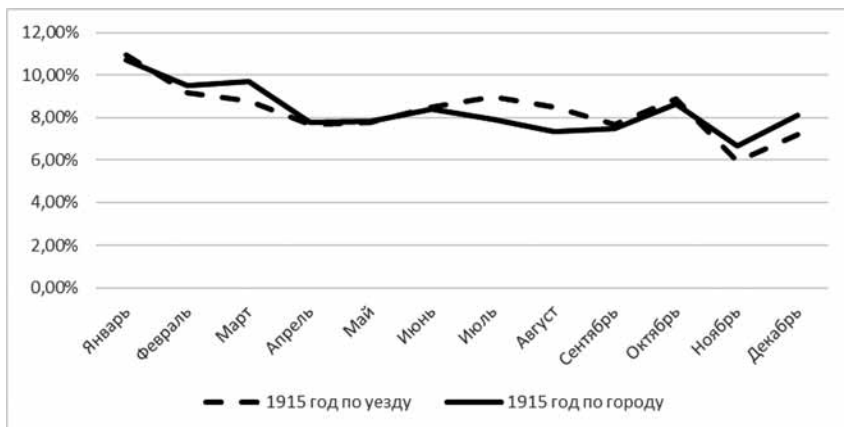

Рис. 7. Рождаемость в городах и уездах в 1915 году

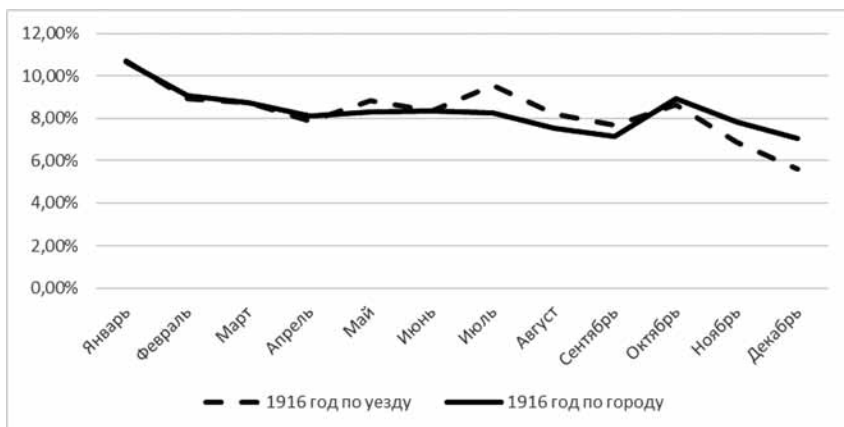

Рис. 8. Рождаемость в уездах и городах в 1916 году

Очевидно, что меньшая степень искривленности помесечного графика рождаемости характерна для городского населения, хотя влияние правил церковной регламентации он все равно отражает.

Далее (табл. 2 и 3) приведены обобщенные данные, иллюстрирующие ситуацию брачности и рождаемости в Тамбовской губернии в изучаемый период.

Таблица 2

Помесячная брачность и рождаемость в Тамбовской губернии 1915—1916 годов

Месяцы	Количество браков						Количество рождений					
	1915 год			1916 год			1915 год			1916 год		
	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого
Январь	3578	202	3780	1874	150	2024	15045	1064	16109	11114	997	12111
Февраль	0	0	0	1670	127	1797	12564	944	13508	9224	851	10075
Март	489	38	527	0	0	0	12076	962	13038	9060	819	9879
Апрель	617	108	725	946	107	1057	10506	775	11281	8121	761	8882
Май	642	72	714	900	73	973	10623	776	11399	9137	776	9913
Июнь	225	29	254	448	65	513	11648	834	12482	8645	781	9426
Июль	300	103	403	591	107	698	12280	789	13069	9871	773	10644
Август	133	63	196	200	52	252	11644	728	12372	8512	706	9218
Сентябрь	180	72	252	420	78	498	10516	743	11259	7924	667	8591
Октябрь	750	97	847	1501	120	1621	12149	860	13009	8950	835	9785
Ноябрь	1410	102	1512	1540	133	1673	8151	663	8814	7107	731	7838
Декабрь	1	0	1	0	1	1	9874	804	10678	5820	661	6481
Итого	8325	886	9211	10090	1013	11103	137076	9942	147018	103485	9358	112843

Подсчитано по: [ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—2об, д. 12, л. 2—2об.]

Таблица 3
Помесячная брачность и рождаемость в Тамбовской губернии 1915—1916 годов (в %).

Месяцы	Количество браков						Количество рождений					
	1915 год			1916 год			1915 год			1916 год		
	По уез- ду	По го- роду	Итого	По уез- ду	По го- роду	Итого	По уез- ду	По го- роду	Итого	По уез- ду	По го- роду	Итого
Январь	42,98	22,80	41,04	18,57	14,81	18,23	10,98	10,70	10,96	10,74	10,66	10,73
Февраль	0,00	0,00	0,00	16,55	12,54	16,18	9,17	9,49	9,19	8,91	9,09	8,93
Март	5,87	4,29	5,72	0,00	0,00	0,00	8,81	9,68	8,87	8,75	8,75	8,76
Апрель	7,41	12,19	7,87	9,38	10,56	9,52	7,66	7,79	7,67	7,85	8,13	7,87
Май	7,71	8,13	7,75	8,92	7,21	8,76	7,75	7,80	7,75	8,83	8,29	8,79
Июнь	2,70	3,27	2,76	4,44	6,42	4,62	8,50	8,39	8,49	8,35	8,34	8,35
Июль	3,60	11,62	4,37	5,86	10,56	6,28	8,96	7,94	8,89	9,54	8,26	9,43
Август	1,61	7,11	2,13	1,98	5,13	2,27	8,49	7,32	8,42	8,23	7,55	8,17
Сентябрь	2,16	8,13	2,74	4,16	7,70	4,48	7,67	7,48	7,66	7,66	7,13	7,61
Октябрь	9,01	10,95	9,20	14,88	11,85	14,60	8,86	8,65	8,85	8,65	8,92	8,67
Ноябрь	16,94	11,51	16,42	15,26	13,13	15,06	5,95	6,67	5,99	6,87	7,81	6,95
Декабрь	0,01	0,00	0,00	0,00	0,09	0,00	7,20	8,09	7,26	5,62	7,07	5,74
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Подсчитано по: [ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—2об, д. 12, л. 2—2об.]

5. Заключение

Таким образом, показатели сезонной брачности и рождаемости, особенно в компаративном аспекте, сельского и городского населения, вполне могут быть использованы в качестве одного из возможных индикаторов для определения уровня религиозности и склонности к инновациям российского социума. В данном случае важную роль играет отказ от традиционной модели брачности и рождаемости, которая сложилась в течение многовекового развития русского народа и определялась циклом земледельческих работ, а также правилами церковной регламентации.

В качестве объяснительной модели для обозначенных процессов, на наш взгляд, следует использовать теорию модернизации. При этом изменения сезонной брачности и рождаемости, которые в идеале должны приводить к примерно равному количеству заключенных браков и рождений, имеющих место каждый месяц, следует расценивать как одно из явных свидетельств модернизованности социума, особенно в плане его духовного перехода от традиционного общества к индустриальному.

Опираясь на проведенный выше анализ сезонной брачности и рождаемости в 1915 и 1916 годах в Тамбовской губернии, необходимо отметить, что уровень религиозности и склонности к инновациям еще не достиг необходимых значений для того, чтобы сделать вывод о состоявшейся духовной модернизации. Однако имеющиеся различия в демографическом поведении городского и сельского населения свидетельствуют о наметившейся тенденции в данном отношении. Даже такой крупномасштабный конфликт, как Первая мировая война, которая стала определенным водоразделом для развития западной цивилизации в модернизационном плане, не смогла оказать решающего воздействия, но свою лепту она в данном случае все-таки внесла. В частности, это международное противостояние отчасти привело к началу решения острой демографической проблемы, стоявшей перед русским социумом, аграрной перенаселенности. Об этом свидетельствуют сокращение числа заключенных браков и падение рождаемости по сравнению с довоенным периодом. Однако относительная стабильность сезонной брачности и рождаемости, которую демонстрировало тамбовское население в 1915 и 1916 годах, свидетельствует лишь о деформации традиционной модели демографического поведения.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. 143 (Тамбовская губернская земская управа). Оп. 7. Д. 10. Л. 2—2 об. Д. 12. Л. 2—2 об.; Ф. 4 (Тамбовский наместник. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Д. 9112. Л. 13. Д. 9658. Л. 1. Д. 9659. Л. 8. Д. 9662. Л. 15—15 об. Д. 9664. Л. 3 об.

2. *Обзор Тамбовской губернии за 1910 г.* — Тамбов, 1902. — С. 18—21.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А. Л. Естественнo-исторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX—XX вв. Некоторые итоги и проблемы изучения / А. Л. Аврех, В. В. Канищев // Социальная история аграрной провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : Материалы международной конференции (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. — Тамбов : Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. — С. 3—17.
2. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. — Москва : Ломоносовъ, 2017. — 248 с. — ISBN 978-5-91678-357-5.
3. Дьячков В. Л. Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX — первая половина XX в. / В. Л. Дьячков // Социальная история аграрной провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : Материалы международной конференции (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. — Тамбов : Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. — С. 17—31.
4. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.) / С. А. Есиков. — Тамбов : ТГТУ, 1998. — 108 с.
5. Кончаков Р. Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. Новые методы исследования : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. Б. Кончаков. — Тамбов, 2001. — 245 с.
6. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны : демографический кризис и потери населения / С. Д. Морозов // Женщина в российском обществе. — 2014. — № 3. — С. 10—20.
7. Никольский В. И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности : диссертация ... доктора медицины / В. И. Никольский. — Тамбов: Типография Дмит. Серг. Семенова, 1885. — 384 с.

MATERIAL RESOURCES

Review of the Tambov province for 1910. (1902). Tambov. 18—21. (In Russ.).
State Archive of the Tambov region. F. 143 (Tambov provincial Zemstvo Council). Op. 7. d. 10. L. 2—2 ob. D. 12. L. 2—2 ob; F. 4 (Tambov governor. Office of the Tambov Governor). Op. 1. D. 9112. L. 13. D. 9658. L. 1. D. 9659. L. 8. D. 9662. L. 15—15 vol. D. 9664. L. 3 vol. (In Russ.).

REFERENCES

- Avrekh, A. L., Kanishchev, V. V. (2002). Natural-historical conditions of modernization of agrarian society. Tambov province, XIX—XX centuries. Some results and problems of studying. In: *Social history of the agrarian province in the context of modernization of the agr society in the XVIII—XX centuries: Materials of the international conference (May 2002)*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 3—17. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). *The everyday world of a Russian peasant woman of the late Empire period*. Moscow: Lomonosov. 248 p. ISBN 978-5-91678-357-5. (In Russ.).
- Dyachkov, V. L., Kanishchev, V. V. (ed.). (2002). Natural and demographic cycles as factors of Russian history, XIX — the first half of the XX century. In: *Social history of the agrarian province in the context of modernization of the agr society in*

- the XVIII—XX centuries: Materials of the international conference (May 2002)*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 17—31. (In Russ.).
- Konchakov, R. B. (2001). *Demographic behavior of the peasants of the Tambov province in the XIX — early XX century. New research methods*. PhD Diss, Tambov. 245 p. (In Russ.).
- Morozov, S. D. (2014). Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses. *Woman in Russian society*, 3: 10—20. (In Russ.).
- Nikolsky, V. I. (1885). *Tambov district. Population statistics and morbidity*. Doct. Diss. Tambov: Dmit Printing House. Serg. Semenova. 384 p. (In Russ.).
- Yesikov, S. A. (1998). *Peasant economy of the Tambov province at the beginning of the twentieth century (1900—1921)*. Tambov: TSTU. 108 p. (In Russ.).